
Популярность великого шотландского поэта в нашей стране растет день от дня.

Ежегодно, 25 января, вся Шотландия, а вместе с ней и друзья Берса в Советском Союзе отмечают день рождения великого поэта. И можно надеяться, что его голос никогда не умолкнет в наших сердцах.

Р. Райт-Ковалева

Роберт Берс. В переводе С. Шаршавая
Москва: Стройиздат, 1979.

ПЕСНИ
БАЛЛАДЫ
ПОЭМЫ

Б-51
И (Англ.)

6109052

Составление, вступительная статья
и комментарии
Р. Райт-Ковалевой

Иллюстрации художника
В. А. Фаворского

1837576

Бернс Р.

Б-51 Роберт Бернс.—М.: Правда, 1979.—272 с., ил.

ИСБН

Творчество Роберта Бернса (1759—1796) — образец шотландской классической поэзии. Переводы С. Маршака, в которых публикуются стихи Р. Бернса, сделали их достойным русскоязычной поэзии. В данный сборник вошли самые известные песни, баллады и эпиграммы шотландского поэта.

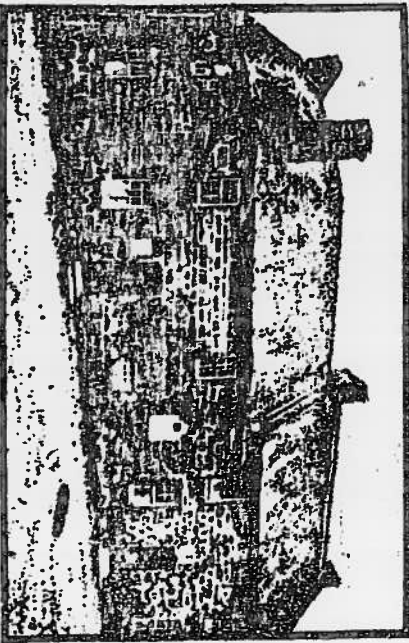
70304—234
Б 080(02)—79 = 4703000000

И (Англ.)

© Издательство «Правда», 1979. Составление.

ПЕЧАТНИЦА
ГОС. БИБЛИОТЕКА
СРЕДНЕГО ПЕЧАТНИЧЕСТВА

ЖИЗНЬ РОБЕРТА БЕРНСА

Летом 1786 года в шотландском городке Килмарнокке вышел небольшой томик стихов, изданный по подписке молодым фермером Робертом Бернсом. Этот «Килмарнокский томик» принёс автору неожиданную славу при жизни и бессмертную после ранней кончины.

¹ Печатается с сокращениями по изданию: Роберт Бернс. Стихотворения. Поэмы. Шотландские баллады. Издательство «Художественная литература», М., 1976.

А через полтора века эти стихи стали одной из любимых книг советского читателя: много раз выходили они в свет многотысячными тиражами в различных русских переводах. Для нас еще одно новое издание Бернса не просто сборник чудесных стихов, пересказанных советским мастером С. Маршаном с любовью к поэту и верностью подлиннику. Это залов нашей дружбы с земляками Бернса, потомками его первых читателей: килмарнокских ткачей, айрширских пахарей и дамфризских кузнецов. На разных языках, но с общей душой о мире мы вместе с ними повторяем нетленные строки шотландского народного поэта о времени, когда «будут люди жить в ладу, как дружная семья, брат».

После выхода в свет своей первой книги Бернс прожил всего десять лет. Это были трудные, горькие, но плодотворные годы. Бернс оставил нам много стихов, песен, посланный друзьям. Его стихи и песни переводят на все языки мира, об авторе написаны многочисленные романы и научные исследования. Тысячи литературных обцеств изучают и пропагандируют творчество Бернса и носят его имя. С каждым годом становится все яснее, что Роберт Бернс был не только замечательным поэтом, но и человеком большого сердца и ума. Этому есть много свидетельств. В стихах, в письмах, в дневниках и записках он сам рассказывал о своей жизни, о своем труде, о судьбе поэта, который всегда говорил людям правду.

Бернс пришел в шотландскую литературу в конце XVIII века, когда в ней боролись две традиции: подражание английским образцам и стремление сохранить национальные особенности, народный язык. Страна, еще в XV веке давшая прерас-

ные произведения духовной и светской поэзии, в 1707 году окончательно потеряла свою независимость, свой парламент, даже свой литературный язык¹. Официальным языком стал английский, и у народа, по-прежнему говорившего по-шотландски, остались только старые песни, легенды и сказки, передававшиеся из уст в уста. Шотландия славилась своими учеными и философами, однако большинству из них родной язык был чужд. На нем говорил только «простой люд».

Народ ждал своего поэта — и этот поэт родился в самой гуще народа и стал его голосом, его совестью, его сердцем. В деревушке Аллоуэй сохранилась глиняная мазанка под соломенной крышей, где 25 января 1759 года родился Роберт Бернс. По тогдашним временам это был хороший дом: в нем даже было окно с пухлячатым толстым стеклом, что считалось роскошью: за окна платили особый налог. Дом этот своими руками выстроил отец Роберта — Вильям Бернс, сын разорившегося фермера с севера Шотландии. В новом доме Вильям Бернс сделал полку для книг, привезенных из Единбурга, а по вечерам медленно и долго что-то писал, складывая в стопку уличные бумажки.

Это было «Наставление в вере и благочестии», предназначенное для его первенца, Роберта. Оно так и писалось — в виде беседы отца с сыном. Сын задавал вопросы, и отец в меру своего разумения пытался объяснить ему, что есть добро и зло, а главное — что есть долг человека. Он не мог и думать, что тот, кому он это писал, сам найдет для людей свои слова о счастье и свободе, свою правду, которая про-

¹ Об этом Бернс писал в стихах «Шотландская слава».

бьется сквозь камни отцовских наставлений, как молодая трава весной.

Вильям Бернс понимал, что только образование поможет его детям «выбиться в люди». С малых лет он сам учил сыновей арифметике и чтению. Когда Роберту исполнилось семь, а его брату Гильберту шесть лет, отец пригласил в дом молодого учителя Джона Мердока, который оказал огромное внимание на своего старшего ученика.

У Мердока была превосходная дикция и красивый голос: он с жаром декламировал Мильтона и Шекспира, объясняя трудные места. Он не только познакомил мальчиков с лучшими произведениями классиков, но и научил их правильно говорить по-английски и выразительно читать стихи.

Эти два речевых источника — литературный английский язык и простонародное шотландское наречие, на котором пела песня мать и рассказывала страшные сказки про ведьм и оборотней старая тетушка, наложили отпечаток на характер и на творчество Роберта. Позже, в Эдинбурге, он поражад ученых и литераторов отличными манерами и прекрасной речью, а своих грузей-шотландцев блестящим знанием старой шотландской поэзии.

На ферме Олифант, святой в аренду у помещика, шла тяжкая крестьянская жизнь. Мальчики помогали отцу пахать, сеять и убирать скудные урожан — земля на ферме оказалась очень плохой. Но вечерами, за ужином, «все Бернсы сидели, углубив носы в книжки», — вспоминали их соседи.

Только летом становилась веселее: с соседних ферм приходили парни и девушки, и одной из них Бернс впервые написал

стихи. «Так для меня начались любовь и поэзия», — писал он потом.

Отец Роберта не оставал мысли дать старшему сыну хорошее образование.

В 1775 году он решает послать Роберта в землемерную школу в небольшой городок Каркосуальд. Роберт учился отлично, все давалось ему легко. Совсем другим вернулся он осенью домой: вырос, затерел, повзрел свет и прочел много новых книг.

В 1777 году семья переехала на ферму Лохли, в миле от оживленного торгового городка Тарболтона. Все свободные вечера Роберт проводил в этом городке, с новыми друзьями, им он читал свои первые стихи, с ними спорил и философствовал «о смысле жизни». И к его голосу уже начинают прислушиваться не только сверстники, но и многие другие.

1781 год был особенно тяжелым для семьи Бернса. Отец бодел туберкулезом, ферма оказалась убыточной, и старому Бернсу пришлось судиться с угрывающими. Отец решил снова отправить старшего сына в город Эврин, где он должен был поработать на льночесалке и в прядильне: отец надеялся, что потом можно будет ткать дома холсты, которые сильно поднимались в цене.

И Роберт уехал в Эврин с деревянным сундучком, где лежал нехитрый скарб, а на дне сундучка — отцовская Библия и самодеятельная тетрадка со стихами.

Роберт поселился в маленькой мансарде с круглым окном. Оттуда было видно, как в гавань входили большие океан-

ские корабли, и ветер доносил непривычные запахи просмоленных канатов, винных бочек и заморских пряностей.

Для сына фермера, впервые попавшего в приморский город, эрвинский порт казался верстаками в иной, огромный мир.

В ту незабвенную весну у моря, когда под мартовским солнцем отогревались болящие суставы, с детства пораженные ревматизмом, и легче дышалось соленым морским воздухом, Роберт впервые прочитал стихи Роберта Фергюссона — молодого поэта, погибшего в 1774 году на двадцать четвертом году жизни. От него осталась небольшая томик стихов на шотландском наречии, и Бернс впервые увидел, что его родной язык существует не как «простонародный диалект» или язык старинных полузабытых баллад, но и как настоящий литературный язык, на котором можно писать отличные стихи.

Книга Фергюссона привела Бернса в восторг. Теперь ничто не совет его с пути: он «хочет ударить по струнам своей дикой сельской лиры в благородном соревновании с ними», как пишет он в своей заветной тетради. Позднее Бернс увековечил память великого поэта, поставив на его могиле плиту коринтского-красного гранита, и велел высечь на ней четыре строки:

Ни урны, ни торжественного слова,
Ни статуи в его ограде нет.

Лишь голый камень говорит сурово:

— Шотландия! Под камнем — твой поэт!

Впоследствии все свое свободное время Бернс самоотверженно и бескорыстно отдавал собираяно старинных шотландских песен и баллад. Он годами участвовал в изданиях много-

томного «Музыкального музея», восстанавливая из множества устных вариантов наиболее неискаженные тексты и сочиняя новые слова на старинные мелодии, если тексты были утеряны или заменены вульгарными и безграмотными вырвками.

Так Бернс стал одним из непосредственных участников возрождения богатого фольклора Шотландии не только как ее лучшей поэт, но и как ученый, как большой знаток истории своей родины, ее быта, ее преданий.

После смерти отца двадцатипятилетний Роберт стал главой семьи, хозяином новой фермы Мосстига — «Робом Мосстигом», как звали его соседи.

Этот год во многих отношениях был решающим для Бернса. В ближайшем городке Мобхлине он стал встречаться с людьми образованными, влиятельными. Адвокат Гэвин Гамилтон, нотариус Эйкен, доктор Маккензи интересовались его стихами и песнями на шотландском наречии, потому что сами говорили на том же языке со своими соседями-фермерами, читали Фергюссона и знали старый шотландский фольклор.

Роберт по-прежнему без устали работал на ферме, но по вечерам часто уходил в Мобхлин потанцевать с местными крестьянами, которым он посвятил столько стихов.

Здесь он и встретил семнадцатилетнюю Джин — дочь богатого и сурового подьячичка Армора, который часто бранил при всех «нищего Роба Мосстига» за его вольные стихи, где высмеивались ханжи и лицемеры, и за дружбу с «безбожниками и смутьянами» вроде Гэвина Гамилтона.

О встрече Роберта и Джин, ставшей его судьбой, его любовью на всю жизнь, написано очень много. Читая письма и

воспоминания, как бы становившись очевидцем этой трудной, часто трагической и все же прекрасной любви, родившей столько стихов и песен.

В это лето — первое лето их любви — Роберт написал много из лучших своих произведений: кажется, что он даже разучился говорить прозой — он словно дышит стихами. Он пишет письма в стихах, и в них нет ни одной пустой строчки, ни одного лишнего слова, ни одного натянутого, надуманного слова. И те, кто читает эти стихи, уже понимают, что в Шотландию пришел ее поэт.

По старинному шотландскому обычаю Джинн и Роберт заключили тайный брак. Для этого надо было только подписать «брачный контракт», по которому двое влюбленных «признают себя навеки мужем и женой». Все меньше надеялся Роберт, что отец Джинн позволит ей стать законной хозяйкой в его доме «перед богом и людьми». Дела на ферме шли из плохого, семья Бернсов нищела все больше и больше.

Тогда старшие друзья Роберта стали советовать ему уехать в Вест-Индию, где за два года можно было сколотить порядочное состояние и вернуться домой богатым человеком.

Роберт был в отчаянии. Об этом говорят его стихи, где он прощается с родной Шотландией и с «милой Джинн»!

А ты, подруга, не грусти,
Чтобы тебя и честь спасти,
Бегу я в край далекий.
Нужда стучится к вам во двор,
Грозят нам голод и позор
И суд молвы жестокой.

10

Им и вправду грозил страшный позор: Джинн ждала ребенка, и те, кто собирался принять Роберта на службу, могли отказаться от него, если бы открылась «эта преступная история».

В один из холодных ноябрьских дней Роберт случайно попал в придорожный трактир, где собиралась необычная посетительница — шайка нищих, бродячие ремесленники-угольщики, жестишники, лудильщики, где грелась у камелька солдат-инвалид и старая маркитантка. Всю ночь просидел с ними Роберт. Так родилась знаменитая кантата «Любовь и свобода» с подзаголовком «Веселые нищие».

Эта великолепная поэма при жизни Бернса ни разу не печаталась, но ходила в списках по всей Шотландии, как и многие другие его «вольные» стихи.

Но настоящая слава пришла к Бернсу, когда вышла первое собрание его стихов — маленький томик, отпечатанный в типографии города Кильмарнок.

Для этого томика Бернс отобрал сорок четыре произведений; из них несколько — большие поэмы. Несмотря на то, что Бернс отдает должное своим предшественникам — особенно Роберту Фергюссону, откровенно заимствуя у него характерную форму стихотворных посланий, или четкие парные рифмы с перекрестками в конце строфы, — все его стихи — совершенно новое слово не только в шотландской, но и во всей англоязычной поэзии. В них блестящее мастерство сочетается с социальной насущностью, с таким определенным «символом веры» — веры в человека, которую можно встретить только у очень больших поэтов, — когда никакая дидактика, никакая проповедь не идут

11

в ущерб основной задаче поэтического произведения — сказать стихами то, чего не выразить никакими другими средствами. Шестисот экземпляров разошлось по подписке, а остальные двести были раскуплены в тот же день: их покупали в складчину крестьяне и батраки, голычары и сапожники, стихи читали вслух в тавернах, переписывали в десятках экземпляров. Слава пришла к Бернсу, а он в это время вынужден был скрываться от гнева мистера Армора, который, узнав о «позоре» дочери, силой вырвал у нее и уничтожил брачный контракт, в который так верили и Роберт и Джин, и подал на поэта жалобу в церковный совет и в суд.

Бернс был совершенно оглушен: он считал, что Джин его предала, отдав контракт отцу и уехав в дальний городок, как ей повела родитель. Он бешевал в письмах (называя ее «клятвопреступницей») и хотя просил Всевышнего простить «мое бедную, недавно так горячо любимую девочку», которую «совражали родители», но тут же клался, что больше никогда не называет ее женой!

«Килмарнокский томик» вышел 31 июля 1786 года, и весь август Роберт разъезжал по окрестностям, то скрываясь от мохалинских святош, то пожиная плоды своей славы.

«Мне теперь нечего бояться,— писал он другу,— многие внаглую джентльмены страны предаляют мне свою помощь и покровительство, да и Джин не пойдет против меня. Я видел ее недавно, она с трепетом ждет приближающихся родов...»

3 сентября 1786 года Джин родила близнецов — мальчика и девочку, названных, по имени родителей, Робертом и Джин.

Бернс был в восторге, но в письмах к друзьям добавлял, что Арморн по-прежнему против брака и что все друзья советуют ему поехать в столицу, где его уже знают и ждут и где, наверно, удастся издать большой сборник стихов.

27 ноября 1786 года Бернс уезжает в «Северные Афины» — Единбург.

Многие современники Бернса писали о том, как в самых изысканных салонах Единбурга появились красивый, высокий, чуть сутулый человек, эlegantно, но просто одетый, с ненапускательной головной и прекрасными черными глазами. Все уже были насмешливы о «поэте-пахаре», «самородке», о «богом данном таланте»...

Но никто не ожидал встретить человека такой высокой культуры, такой свободной, достойной, вполне светской манеры держаться. Законодательница мод прекрасная герцогиня Гордон приказала Каледонскому охотничьему клубу устроить бал в честь поэта. Весь вечер она танцевала с ним, удивляясь его остроумной и учливой речи, а уходя, громко сказала: «Ваш пахарь совсем вскружила мне голову!»

Судьба Роберта была решена: ученые и писатели, поэты и философы, которыми славился Единбург, стали наперсбой пригласять его к себе.

На торжественной ассамблее шотландской масонской ложи Великий магистр торжественно провозгласил друавицу: «За Каледонию и барда Каледонии — брата Бернса!» — и, подхватив влост воцарил, все члены ложи стали приветствовать поэта.

Каледонский охотничий клуб постановил: все без исключения члены Клуба должны подписаться на сочинения Бернса

и содействовать тому, чтобы его стихи были выпущены в двух томах в лучшей типографии Эдинбурга.

Редактором книги был Вильям Смедли.

Бернсу очень повезло. Пожалуй, трудно было найти редактора более всесторонне образованного и вместе с тем добросовестного и до педантизма придирчивого, чем Вильям Смедли. Он, как писал о нем Бернс, был «человеком высочайшей одаренности, неисчерпаемых знаний и при этом обладав самым добрым сердцем и самым острым умом на свете».

21 апреля 1787 года вышло эдинбургское издание стихов и поэм Бернса. Пониторы тысячи экземпляров разошлись по подписке, оставшиеся пятьсот были распространены в два дня.

Перед возвращением домой Бернс решил немного попутешествовать и отклонить от бурной столичной жизни.

Может быть, впервые за все свои двадцать восемь лет Роберт Бернс был так беззаботен и счастлив, как в начале мая 1787 года, когда он неторопливо ехал по зеленым холмам Шотландии, где «на каждом поле гремеда битва, а у каждого ручья склаывалась песня».

Его встречали с почетом. «Все проявляют особое уважение к моей поэтической светлости», — писал он.

Но огдым длился недолго. Надо было возвращаться домой, узнавать, как дела в Моссгиле, как дети.

Надо было решать судьбу всей семьи и свою дальнейшую творческую судьбу. Может ли поэт, вернувшись «к старому своему знакомцу — науку, все же сохранять в целостности свою простую лиру, не дать пальцам орубить, а пугатине забот оплести звонкие струны?» — писал Бернс.

Он знает, что теперь его голос слушает вся Шотландия. В своих письмах и стихах поэт сам подробно рассказал о том, как, приехав домой, он понял, что должен вернуться к жизни простого фермера и что лучшей подруги, чем Джин, которая терпеливо сносила все перемены в их отношениях, у него нет и не будет.

После того как Церковь официально признала их брак, Джин жила в семье Роберта, пока он строил дом на новой ферме Эллисленд, куда вскоре собрался перевезти Джин и детей.

На этой ферме семья поэта провела два с половиной года. Конечно, свободного времени у Бернса было мало: кроме хозяйства, он еще выполнял обязанности акцизного инспектора — наконец ему удалось по протекции получить это место. Приходилось объезжать округу в джигги, проверять, аккурратно ли платят налоги, не скрывают ли незаконные доходы от казны. И все-таки, несмотря на нужду, болезни, тяжкий труд, Бернс был счастлив: он писал стихи, он не мог нарадоваться на своих ребят. Осенью 1789 года Джин родила ему еще одного черноглазого мальчишку.

В этом году поэту исполнилось тридцать лет. Он жил такой напругенной, такой полной умственной жизнью, что многие его письма читаются как философские трактаты, как комментарии к учению великого французского трагика Жан-Жака Руссо и английских просветителей — так глубоко он усвоил основные принципы века Просвещения, так органически слились они с его жизненным опытом, с опытом народа, из глубин которого он вышел.

В эти годы он все время посылает новые тексты песен в «Музыкальный музей» — всегда отказываясь от гонорара! — и в стихах часто говорит о миссии поэта!

Одной мечтой с тех пор я жил:
Служить стране по мере сил
(Пускай они и слабы!).

Народу пользу принести —
Ну, что-нибудь изобрести —
Иль песню спеть хотя бы!

«Это стихотворение, — писал Бернс, — должно было стать частью большой поэмы „Путь стихотворца“».

Но в это время другие события затмили размышления о своей судьбе. 14 июля 1789 года под ударами народного гнева пал оплот сильнейшей монархии в Европе — французского королевства — тюрьма Бастилия.

Началась Великая французская революция.

Напрасно мы будем искать в письмах Бернса прямой отклики на падение Бастилии. Большинство писем того времени сожжено если не самими корреспондентами Бернса, то их наследниками.

Но в первые годы самые широкие круги Англии и особенно Шотландии сочувствовали французской революции. Каза-лось, что Свобода, Равенство и Братство придут из-за моря мирным путем. А тогда и Шотландия получит больше прав. И хотя множество шотландских граждан, в том числе и Бернс, из-за строгого имущественного ценза не могли участвовать даже в выборах мунципалитета своего города, не говоря уже о

парламентских выборах, политическая жизнь Шотландии ожи-

вилась.

К сожалению, «шотландский бард» был акцизным чиновником, то есть служащим того самого «слабоумного Джордана» — короля Георга Третьего и его реакционного правительства, против которого так откровенно высказывался поэт.

Бернс никогда не умел молчать, никогда не любил молчать, и все горести, которые ему пришлось пережить в эти годы, происходили оттого, что по должности он обязан был вести себя как образцовый служащий его величества, а по натуре был настоящим бунтарем, вольнодумцем, свобододобудем. К счастью, в списках, ходивших по рукам, сохранились стихи тех лет, опубликованные только после смерти Бернса. Среди них и «Дерево свободы» — прямой отклик на Великую французскую революцию.

В эти годы в Эдлинсдене написана и одна из лучших шотландских баллад — «Там О'Шентер», в которой Бернс гениально использовал старый фольклор и в «страшных» сценах бесовской пляски в старой церкви и в комических нравоучениях, обращенных к пьяницам и гулякам.

В 1791 году, распродав скот и весь инвентарь Эдлинсдена, Бернс переехал с семьей в небольшую, но оживленный город Дамфрис, где и прожил с августа 1791 года до июля 1796 года, когда тяжкая болезнь доконала тридцатисемилетнего поэта.

Эти последние годы были, пожалуй, самыми сложными в жизни Бернса. Он был государственным служащим — и законным бунтарем, счастливым отцом семейства — и героем множества романтических приключений, крестьянским сыном —

и другом «знатнейших семейств». Многие ученые и литераторы переписывались с ним, спрашивали его совета.

Время было бурное, сложное. Надежды, вспыхнувшие вместе с французской революцией и победой Америки в войне за независимость, были разбиты, общество «Друзей народов» разогнано, а его главаря сослали на каторгу.

Осень 1795 года и зима 1796 года стали роковыми для Бернса. Тогда врачи не понимали, что он давно и тяжело болен, что его обмороки и приступы боли во всех суставах — последствия тяжелого ревмокардита. Его лечили холодными ваннами, крепкими винами, по неведению усиливая смертельный недуг.

А тут еще от него стали отступаться его знатные друзья: многие обиделись на то, что он назвал короля и королеву Францин, казненных в Париже, «богаваном-клятвеннопреступником и бессовестной баудницей».

Пришла весна очень холодная и дождливая. Бернс болел, но как только ему становилось немного легче, он снова начинал писать для сборника шотландских песен и баллад.

В переписке с составителем нового сборника — Томсоном чувствуется желание подтолкнуть уже сделанное и предчувствие, что ему недолго осталось жить...

21 июля 1796 года поэт скончался, оставив семью без всяких средств. Бернса хоронили с помпой: регулярные войска шли церемониальным маршем до кладбища, играли трескучий и бездушный похоронный марш.

Джин не могла проводить Роберта: в этот час она родила ему пятого сына.

Друзья взяли на себя заботу о ней и детях.

А через много лет, когда слава Бернса наконец нашла дорогу в придворные круги Лондона, король назначил вдове Бернса пенсию.

И Джин, верная памяти Роберта, от этой пенсии отказалась.

О том, как росла слава Бернса, говорят тысячи книг на всех языках мира.

Поэту поставлено множество памятников — от простого мраморного бюста в нише дамфрисского дома до сложных и затейливых башен с барельефами, греческими портиками и статуями причисленных красавцев-пахарей, с неизменной мышкой у ног, маргариткой под лемехом плуга и парящей музой в классических покрывалах.

Но народ хранит его память по-своему. Пожалуй, нет поэта, которого бы так знали и пели на протяжении двух веков.

* * *

Роберта Бернса знает весь мир, и все же именно нашу страну шотландцы называют его второй родиной. Первые переводы Бернса появились у нас в начале XIX века. Позднее поэзией Р. Бернса занимались многие переводчики. И, наконец, советский читатель познакомился с замечательными переводами С. Маршак. «Маршак сделал Бернса русским, оставив его шотландцем». — писал Александр Твардовский. Все многочисленные переводы, принадлежащие С. Маршаку, хранятся в доме-музее Бернса в Дамбуэ.

